

Кому мы обязаны существованием телеграфного сообщения через Атлантический океан? Тому ли инженеру, который упорно утверждал, что проволоочный канат будет передавать депеши, в то время как почти все, самые ученые специалисты по электричеству заявляли, что это невозможно? Тому ли ученому, Мори, который посоветовал заменить толстые канаты тонкими, не толще обыкновенной трости? Или, наконец, тем неизвестно откуда явившимся добровольцам, которые проводили дни и ночи на палубе

«Грэт Истерна»¹ и тщательно рассматривали каждый фут каната,

вынимая из него гвозди, которые втыкались кем-то (говорят - акционерами морских компаний) в изолирующий слой с целью сделать канат негодным к употреблению?

А в более широкой области - в области настоящей человеческой жизни, с ее радостями, ее горестями и ее случайностями, - разве каждому из нас не случалось встретиться с человеком, который оказал ему в жизни такую услугу, что самая мысль о денежной ее оценке показалась бы оскорбительной? Иногда эта услуга была не что иное, как слово, сказанное вовремя, иногда же это были месяцы и годы самоотверженной преданности. Неужели же и эти «неоценимые» услуги мы тоже станем расценивать в рабочих чеках?

«Каждому - по его делам!» - говорят они. Но человеческие общества не могли бы просуществовать и двух поколений подряд, если бы каждый не давал иногда другим гораздо больше, чем он надеется получить от них в виде денег или рабочих чеков. Человечеству пришел бы конец, если бы мать не давала свою жизнь для сохранения жизни своих детей, если бы каждый человек не давал хоть иногда не считая, если бы он не давал в особенности именно тогда, когда он не ждет никакого вознаграждения.

И если буржуазное общество гибнет, если мы находимся в настоящую минуту в тупике, из которого не можем выйти иначе, как разрушая топором и огнем учреждения прошлого, то это происходит именно оттого, что мы слишком много считали; оттого, что мы приучили себя давать только с целью получить; оттого, что мы захотели сделать из общества коммерческую компанию, основанную на приходе и расходе.

Коллективисты, впрочем, знают это и сами. Они смутно понимают, что никакое общество не могло бы просуществовать, если бы оно строго провело до конца свое правило «каждому по его делам»; они тоже понимают, что потребности личности - мы не говорим о капризах - не всегда совпадают с ее делами. Так, например, Де Пап² пишет:

«Этот чисто индивидуалистический принцип будет, впрочем, смягчаться общественным вмешательством в дело воспитания детей и молодых людей (включая сюда пищу и все их содержание) и в дело общественной организации помощи калекам и больным, пенсий для старых рабочих и т. под.».

Они понимают, по-видимому, что у сорокалетнего человека, отца троих детей, больше потребностей, чем у двадцатилетнего юноши; что женщина, которая кормит ребенка и проводит около него бессонные ночи, не может делать столько же дел, как человек спокойно выспавшийся. Они понимают, по-видимому, что люди - мужчины или женщины - изнуренные, может быть, на службе обществу, могут оказаться неспособными сделать столько же

«дел», как те, которые получали свои «чеки», занимая привилегированное положение

¹ «Грейт Истерн» (первоначально - «Левиафан»), построенный близ Лондона в 1853-1859 гг., был в свое время самым большим кораблем в мире.

² Сезар де Пап (1842-1890) - бельгийский социалист, деятель Первого Интернационала; сперва - федералист, затем - социал-демократ.